

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-113-136

Научная статья

УСТАВЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

А.С. Туманова, А.А. Сафонов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
109028, Москва, Россия, Б. Трехсвятительский пер., д. 3

Статья посвящена истории доктринальной разработки содержания устава общественной организации позднеимперской России, а также роли устава в регулировании феномена общественной самоорганизации. Данная проблема практически не изучена в научной литературе. На основании привлечения широкого корпуса опубликованных источников (учредительные документы общественных организаций, материалы делопроизводства государственных учреждений и др.) и ряда архивных (документы РГИА) анализируется юридическая политика царского правительства, нацеленная на установление единообразия в содержании учредительных документов добровольных обществ и принципах их взаимоотношений с государством по поводу создания, перерегистрации, прекращения действий общественных организаций. Данная общегосударственная рамка оценивается с позиций состояния корпоративного регулирования в позднеимперской России, а также степени вмешательства в данный процесс государства.

Рассмотрены российские и европейские источники формирования корпоративного законодательства. Существенное место занимает анализ учредительных документов организаций дореволюционной России различных групп. Они изучаются по содержанию, структуре, общим и особенным признакам, сфере деятельности. Авторы исследуют, в чем выразилось самостоятельное творчество учредителей при составлении уставов организаций, не полностью соответствующих типовым учредительным документам, выясняют его значение и границы.

Авторы статьи приходят к выводу, что уставы давали российским обществам существенную самостоятельность во внутренней жизни (определение целей и задач, способов формирования капиталов, требований к категориям членов и др.), однако достаточно жестко предписывали «внешний» контекст их функционирования, сопряженный со взаимодействием с органами государства.

Ключевые слова: история российского права, общественная организация, устав, корпоративные нормы, корпоративное законодательство Российской империи

Информация о финансировании: Статья подготовлена при поддержке Фонда фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках Программы фундаментальных исследований, проект «Трансформация третьего сектора в цифровую эпоху» в 2020 году.

© Туманова А.С., Сафонов А.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Введение. Постановка проблемы и научные подходы

Образование общественных организаций — самодеятельных и надлежащим образом оформленных объединений, консолидированных на принципе добровольного членства и общественно-полезной деятельности в области организации научных исследований, занятий просветительством, социальной помощью и иными проектами некоммерческого характера, ведет свой отсчет с последней трети XVIII столетия. В 1765 г. Екатериной II был утвержден устав первой общественной организации имперской России — Вольного экономического общества (далее — ВЭО). Он определял цели и сферу деятельности ВЭО, принципы его функционирования, гарантировал ему определенные права и привилегии. Устав был составлен членами ВЭО и неоднократно ими обновлялся; он гласил, что «общество основано на добровольном соединении членов, управляться будет само собою, под председательством президента» (Stepansky, 1979:8). Между тем общество получило жизнь от государства, пользовалось покровительством императрицы и наименованием «императорского».

Задачи Вольного экономического общества вошли в «Устав сельского хозяйства» Свода законов, определив общегосударственную рамку направлений деятельности для обществ сельского хозяйства. Они заключались в содействии «соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности»¹. Родовым признаком данных объединений было стремление к совмещению научной работы с обслуживанием практических потребностей сельского хозяйства (Elina, 2011:28). Наряду с этим ассоциация занималась также просветительской работой и профессиональным образованием.

С утверждением устава Вольного экономического общества в России возник прецедент для создания других общественных организаций (на языке эпохи «частных обществ»). ВЭО положило начало как «процессу санкционирования самодержавием независимой общественной инициативы» (Bradley, 2009:57), так и созданию модели двусторонних отношений государства и общественных организаций, которой следовали добровольные объединения дореволюционной России. Данную модель отображали учредительные документы добровольных обществ, определяя сферу самостоятельности последних и полномочия власти по отношению к ним.

Заметный импульс развитию добровольных организаций придали либеральные реформы 1860–70-х гг. В те годы появилось много новых видов обществ, а также существенно расширилась их социальная база. Рост ассоциаций стимулировали их модернизовавшиеся уставные документы, а также передача права утверждения их уставов от императора к отдельным министрам.

---

¹ Устав сельского хозяйства / Свод законов (далее — СЗ). Т. XII. Ч. 2. СПб., 1886. Ст. 42.

Временем заметного возрастания присутствия общественных организаций в публичном пространстве Российской империи стали 1890-е гг. Если в первые шестьдесят лет XIX в. в империи возникло всего около ста легальных обществ, которые существовали преимущественно в Петербурге, Москве и городах Западного края, то к 1904 г. их насчитывалось уже порядка 2 тысяч².

Начиная с 1890-х гг. активно вошла в жизнь практика составления нормальных уставов обществ. Она была призвана выработать у государства и общественных деятелей единый подход к учреждению обществ, а также упорядочить связанное с этим делопроизводство. Под нормальными уставами понимались учредительные документы, рекомендуемые правительством для тех или иных категорий организаций. Организации, придерживавшиеся таких уставов, создавались более упрощенным порядком, нежели те, что желали отходить от них. Наряду с термином «нормальный устав» использовались понятия «образцовый устав» и «типовой устав»; все они были синонимами.

В научной литературе существует два полярных мнения по поводу способа формирования уставов общественных организаций. Первое принадлежит американскому историку Джозефу Брэдли. Рассматривая уставы ассоциаций, возникших в последней трети XVIII и в начале XIX вв., Брэдли высказал суждение, что они были «малыми конституциями», составлявшимися и обновлявшимися самими членами обществ, ревностно ими оберегаемыми. Лидеры институций самостоятельно устанавливали в них программу действий и принципы поведения (Bradley, 2009:114–115).

Указал Брэдли и на противоречивость уставов частных обществ. Оформленные в них права и привилегии, автономия и самоуправление, а также заявленные формы представительства, по его выражению, пробивали «брешь в цитадели самодержавной власти». В то же время уставы оказывались зачастую двусмысленными в том, что касалось внешней деятельности обществ, т.е. их взаимоотношений с государством (Bradley, 2009:49–53, 57).

Американский специалист Маргарет Джейкоб также полагает, что уставы общественных организаций писались «на языке конституционализма». Она считает, что масонские ложи и просветительские ассоциации являлись современным социальным пространством в государстве Старого режима в Европе, участники которого упражнялись в демократических практиках. К демократическим практикам автор причисляет создание уставов (Jacob, 1994:95–113).

Диаметрально противоположное суждение о происхождении уставов частных обществ принадлежит канадскому специалисту Найджелу Раабу, который интерпретирует учредительные документы как продукт деятельности правительства в большей мере, нежели самого общества. Он указывает, что принятие в 1890-е гг. типовых (примерных) уставов для различных категорий част-

---

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61(б). Л. 6 об. 7.

ных обществ «позволило государству регулировать деятельность общественных организаций под своей эгидой» (Raab, 2007:270–271).

Очевидно, что различие взглядов специалистов на учредительные документы общественных организаций, определяющие их устройство, принципы и направления деятельности, а также права и обязанности членов не в последнюю очередь обусловлено спецификой предметов их исследования. Брэдли изучает крупные научные общества либеральной направленности (Вольное экономическое, Русское техническое, Пироговское общество русских врачей и др.), тогда как Рааб исследовал являвшиеся опорой трона и исповедовавшие консервативные идеи пожарные общества.

Теоретик права Т.В. Кашанина понимает под уставами общественных организаций одну из разновидностей корпоративных норм, порожденных волей коллектива корпораций, их принимающих. Корпоративные нормы, как справедливо полагает правовед, как и другие социальные нормы, отражают баланс интересов руководящего класса и управляемых. Нельзя не согласиться и с выделенными ею признаками корпоративных норм, такими как их нацеленность на типичные ситуации, имеющие место в корпорациях, на многократное повторение, а также неперсонифицированность (Kashanina, 2012:482–485).

С.И. Архипов указывает на такую специфическую черту корпоративных норм, как отсутствие собственных санкций, воспроизведение ими или уточнение санкций нормативных актов, издаваемых государственными органами (Arhipov, 1987:37).

М.В. Немытина, апеллируя к социологической концепции правопонимания, признает корпоративное регулирование правовой системой, альтернативной государственной и независимой от нее, зачастую даже соперничающей с ней по значению для изучения правовых процессов и явлений (Nemytina, 2011:123).

Таким образом, подводя итоги степени научной разработанности проблемы, отметим, что как в России, так и за рубежом отсутствуют комплексные исследования корпоративных норм и законодательства имперского периода. Между тем данная проблема представляется существенной для понимания правовой истории российского гражданского общества, а также механизмов организации его внутренней жизни.

Типовой устав частных обществ. Общегосударственная рамка для определения направлений и пределов корпоративного регулирования

В канун наступления XX столетия в Российской империи в массовом порядке вырабатывались нормальные уставы общественных организаций. В них были заключены положения и принципы, которыми общественники призваны были руководствоваться, чтобы учреждаемые ассоциации получили разрешение.

Частные общества, готовые руководствоваться нормальными уставами, скорее и проще преодолевали бюрократические инстанции. Поэтому рижский чиновник МВД К.Г. фон Плато рекомендовал учредителям общественных орга-

низаций придерживаться нормальных уставов, санкционированных центральной властью. Для тех случаев, когда учредители желали внести в уставы свои новеллы, Плато советовал следовать типовой структуре уже существующих учредительных документов. Составителям уставов чиновник предлагал максимально четко формулировать цель общества и средства ее достижения. В разделах, характеризующих управление ассоциациями и их членский состав, он призывал подробно описывать порядок управления и составления отчетности, права и обязанности членов, компетенцию руководящих органов, а также назначение имущества и капиталов в случае закрытия общества³.

К 1896 г. нормальные уставы были составлены в Российской империи для целой группы обществ: сельскохозяйственных, благотворительных, пожарных, вспомоществования нуждающимся учащимся и др. Они выработывались как на основании существовавших уставов, так и предшествующей практики работы над проектами уставов в Комитете министров и в министерствах.

С конца XIX в., по мере накопления в министерствах нормальных и примерных уставов, была предпринята попытка дальнейшего упорядочения процедуры создания общественных организаций. Общества, учреждавшиеся на основании нормальных или примерных уставов, стали открываться местной администрацией — генерал-губернатором, губернатором или градоначальником. Уставы обществ, не соответствовавшие типовым, по-прежнему рассматривались министрами.

Передача права учреждения общественных организаций руководителям местной администрации поставила центральную власть перед необходимостью выработки общих правил, которыми последние должны были руководствоваться. Выработка единообразного формуляра устава общественной организации становится актуальной задачей.

Требования к содержанию уставов были разработаны совещанием директоров департаментов Министерства внутренних дел под руководством товарища министра А.А. Иксуля фон Гильденбандта⁴. В ведении МВД находилось подавляющее число обществ. 29 апреля 1897 г. министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным были утверждены Правила, определявшие порядок представления уставов на подпись министру. Составленные на основании положений нормальных уставов, они сочетали действующую практику регламентации деятельности обществ с государственным интересом. В них была предпринята также попытка определить в общих чертах основы внутренней жизни организа-

---

³ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 3–4.

⁴ Здесь и далее, в ходе характеристики Правил 1897 г., а также проекта Гражданского уложения, использован материал рукописи диссертации одного из авторов на соискание ученой степени доктора юридических наук: Туманова А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века: Историко-юридическое исследование. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 67–73.

ций: принципы комплектования членского состава, формирования финансов, организации общих собраний, что не было характерно для предшествующего законодательства.

Правила 29 апреля 1897 г., а также дополнения к ним от 15 июня 1898 г. вводили ограничения в членский состав обществ. Членами организаций не могли являться следующие категории российских подданных: состоявшие на действительной военной службе нижние чины; ограниченные в правах по суду; учащиеся военного, морского и духовного ведомств. Иные группы учащихся, а также несовершеннолетние, в учебных заведениях не обучавшиеся, допускались в благотворительные, спортивные общества, общества физического развития и усовершенствований в искусствах, однако обладали в них ограниченной правоспособностью — они не могли избираться в правления и участвовать в голосованиях. Несовершеннолетним для вступления в общества требовалось согласие родителей или опекунов, а учащимся высших учебных заведений — разрешение учебного начальства. Наибольшей дискриминации подвергались учащиеся начальной и средней школы, которым для вступления в общества требовалось как согласие родителей либо опекунов, так и учебного начальства⁵.

Полномочия местной администрации определялись в Правилах МВД 1897 г. следующим образом. Губернатор или градоначальник наделялся правом закрывать собрания обществ, созывать чрезвычайные собрания и утверждать их постановления. Он определял также назначение имущества закрытой организации, если это специально не оговаривалось в ее уставе. Отразили Правила и расширение надзорных прерогатив полицейской власти. Предусмотренные в уставах обществ публичные мероприятия (драматические представления, литературные чтения, концерты и др.) могли устраиваться только с разрешения начальника местной полиции. Под наблюдением полиции находились также общие собрания обществ, для чего последним вменялось в обязанность своевременно предоставлять информацию о дне, часе, месте их проведения и предметах занятий. К обсуждению на них допускались лишь вопросы, непосредственно относившиеся к определенной уставом сфере деятельности общества и заблаговременно доведенные до сведения полиции.

Новый этап в развитии корпоративных норм общественных организаций обозначился с завершением разработки в 1899 г. проекта Гражданского уложения, призванного заменить I часть X тома Свода законов. XIX глава Уложения — «Ученые, благотворительные и иные общепользные общества» — представляла собой первую в истории российского законодательства попытку собрать воедино нормативные акты различных ведомств, регулировавшие жизненный цикл общественных организаций⁶.

⁵ Правила 29 апреля 1897 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1905. Д. 61 (б). Л. 71; Дополнение правил 29 апреля 1897 г. от 15 июня 1898 г. // Там же. Л. 73–73 об.

⁶ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1899. Кн. пятая. Т.4. Глава XIX. Ученые, благотворительные и иные общепользные общества. С. 547.

Источниками для составления главы об «общепользовательных обществах» Гражданского уложения служили действующие нормы об общественных организациях и документы их делопроизводства — уставы и отчеты. Широко использовались труды российских правоведов (цивилиста С.В. Пахмана, присяжного поверенного А.О. Гордона и др.), рассматривавших отдельные стороны жизнедеятельности обществ с точки зрения применения к ним норм гражданского права, а также гражданские кодексы европейских стран.

Заслугой составителей проекта Гражданского уложения являлось определение понятия «общество». Под обществом понимался «разрешенный надлежной властью союз лиц, в числе не менее семи, которые, не имея целью получение прибыли, избрали предметом своей деятельности благотворительность, развлечение (клубы, общественные собрания), развитие наук, искусств, физических сил и ловкости (спорт) и другие общепользовательные цели» (ст. 924).

Предлагая развернутую формулировку дефиниции «общество», составители Уложения заложили в нее родовые черты общества как разновидности объединения лиц. Так, мотивация к отсутствию финансового интереса, выразившегося в получении денежной прибыли, отличала общества от товариществ, действующих исключительно с целью получения прибыли. Разграничение обществ и товариществ являлось существенным шагом вперед. Новым было установление в законе обязательного минимума членов, при котором общество могло быть открыто. Указанная норма была заимствована из Гражданского уложения Германской империи 1896 г. с целью «гарантировать солидность возникающего общества»⁷.

Другой существенной особенностью правового положения обществ, вытекающей из их определения, являлось правительственное разрешение: обществом признавался «разрешенный подлежащей властью союз лиц». Задача властного органа виделась составителям Уложения в том, чтобы дать обществу право на законное существование, признав, что оно удовлетворяет требованиям закона.

В проекте Гражданского уложения впервые появились нормы, характеризующие жизненный цикл некоммерческих организаций и механизмы управления ими. До этого правительственная власть была озабочена главным образом выработкой механизмов наблюдения за общественными организациями, тогда как вопросы их внутренней жизни и деятельности интересовали ее в меньшей степени.

В Уложении определялся формуляр устава общества (ст. 926). Там указывалось, что кроме названия общества, его цели и местонахождения, в уставе должны были быть упомянуты порядок вступления и выбытия членов, состав и способ

---

⁷ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1899. Кн. пятая. Т. 4. Глава XIX. Ученые, благотворительные и иные общепользовательные общества. С. 552.

формирования правления, время и порядок созыва общих собраний. Все эти положения в своей совокупности имели для учредителей обществ существенное значение, поскольку оговаривали вопросы их внутреннего устройства. Они были заимствованы как из действующих уставов общественных организаций, так и из гражданских уложений европейских стран, в особенности Германского Гражданского уложения 1896 г.

Оговаривались взаимные обязательства, возникавшие между общественной организацией и вступающим в нее лицом (ст. 928). Член общества обязывался систематически вносить членские взносы; в случае их неуплаты на протяжении двух лет он выбывал из его состава. Право состоять членом общества не могло быть предметом уступки или наследования, а осуществлялось путем специального соглашения между общественной организацией и вступающим членом, служа доказательством, как отмечалось, «уважения к личным качествам вступавшего». Конкретизируя содержание данной статьи и апеллируя к действующим уставам общественных организаций, составители указывали, что процедура заключения соглашения между обществом и его членом должна была зависеть от типа общества. Так, вступление в общества, занимавшиеся развитием наук, искусств, физических сил и ловкости, предполагавшие тесное общение членов между собой и наличие у них известной квалификации в своей сфере, было весьма непростым. Вступающий нуждался в рекомендации одного или нескольких членов общества, удостоверявшей, что последний обладает требуемым уставом цензом; вопрос о его принятии рассматривался в правлении организации и ставился на баллотировку общего собрания. Менее разборчиво относились к своим членам благотворительные общества; успешность их деятельности напрямую зависела от численности и имущественной состоятельности членов⁸.

В проекте устанавливались права общества как юридического лица (ст. 927). Составители особо оговаривали, что при принятом в России концессионном порядке учреждения частных обществ начальным моментом их существования как юридических лиц являлось правительственное разрешение и публикация утвержденных уставов в официальной печати (Сенатских либо Губернских ведомостях)⁹, тогда как при существовавшем в ряде европейских стран явочном или смешанном порядках общество становилось юридическим лицом со времени внесения записи о его учреждении в реестр.

---

⁸ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1899. Кн. пятая. Т. 4. Глава XIX. Ученые, благотворительные и иные общепользные общества. С. 556–557.

⁹ Устав общественной организации, утвержденный министром, должен был быть опубликован в Сенатских ведомостях, а утвержденный губернатором — в Губернских ведомостях (Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1899. Кн. пятая. Т. 4. Глава XIX. Ученые, благотворительные и иные общепользные общества. Ст. 925).

Впервые в тексте Уложения были определены основания для ликвидации обществ. Они были следующие: 1) истечение установленного срока действий, если общество создавалось на время; 2) постановление общего собрания о прекращении деятельности общества; 3) сокращение числа членов общества до двух; 4) распоряжение министра или губернатора о том, что деятельность общества «приняла опасное для государственного благоустройства или общественной нравственности направление»; 5) признание общества несостоятельным. Отдельные статьи определяли порядок ликвидации дел и имущества общественных организаций.

В опубликованной в 1903 г. второй редакции проекта Гражданского уложения были внесены коррективы в порядок учреждения обществ. Вводилась обязательная регистрация обществ и внесение записи об их учреждении (ст. 901)¹⁰. Включение в законопроект положения о регистрации общественных организаций и приобретении ими прав юридического лица с момента регистрации, а не утверждения властью и опубликования устава, означало движение корпоративного законодательства в направлении отхода от концессионного порядка.

Вместе с тем указанная поправка не может быть истолкована как реализация регистрационного принципа создания обществ, поскольку основанием для открытия общественных организаций по-прежнему оставалось правительственное разрешение. К тому же регистрация обществ трактовалась составителями Гражданского уложения в первую очередь как мера, обеспечивавшая за ними контроль администрации. Регистрация позволяла, по их словам, сосредоточить все сведения об обществе как о юридическом лице в одном месте, сделать их доступными для лиц, вступавших с ними в правовые отношения, а также четко определить начальный момент существования общества¹¹.

Гражданское уложение являлось успешной попыткой систематизации корпоративного законодательства, в частности, упорядочения гражданско-правовых норм, регулировавших данную область общественных отношений. Однако оно не было введено в действие. Гражданское уложение было крупным памятником, для завершения которого, по меткому выражению дореволюционного правоведа К.К. Арсеньева, не хватало «... политической конъюнктуры, благоприятствующей государственному творчеству» (Arsen'ev, 1914:418). Кодификация гражданского права, активно осуществлявшаяся на протяжении двух десятилетий, не была завершена. Ввиду этого в России так и не было создано кодекса, сопоставимого с французским Кодексом Наполеона 1804 г. или Германским гражданским уложением 1898 г. Эта центральная для юридической профессии XIX столетия задача не была решена (Medushevskij, 2014:20–22).

---

¹⁰ Гражданское уложение. Проект ... Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения. Вторая редакция. СПб., 1903.

¹¹ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1899. Кн. пятая. Т. 4. Глава XIX. Ученые, благотворительные и иные общепользные общества. С. 364.

Материалы XIX главы проекта Гражданского уложения использовались в работе различных комиссий и совещаний кануна Первой русской революции, обсуждавших, в числе прочих, вопрос о совершенствовании порядка открытия общественных организаций.

С изданием в марте 1906 г. указа Сенату «О временных правилах об обществах и союзах» открытие, регистрация, запрещение и прекращение действий общественных организаций были сосредоточены в ведении губернских (городских) по делам об обществах присутствий, руководимых губернаторами (градоначальниками). Это были коллегиально действующие органы смешанного состава, включавшие представителей административной и судебной властей, местного самоуправления и пр., наделенные правами административной юстиции. Начальники губерний и градоначальники получали право приостанавливать действия обществ и выступать с предложениями об их закрытии. Ответственные, инициировавшие изменения в организациях, принципах устройства общих собраний и отделений, должны были извещать о них представителей администрации¹².

Общества, имевшие отделения, а также союзы, подлежали регистрации в обязательном порядке (ст. 3). Она осуществлялась внесением организаций в специальный реестр обществ и союзов, который велся присутствием. Общество считалось легализованным с момента внесения его в реестр (ст. 23). Коллегиальный состав присутствий, а также необходимость соблюдения ими установленной законом процедуры рассмотрения уставных документов обществ и обоснования своего решения позволяет утверждать, что в 1906 г. был сделан существенный шаг в направлении от концессионного порядка создания обществ к порядку регистрационному. Согласно Временным правилам, в уставе общества требовалось указать цель, место и способы его деятельности, порядок вступления и выбытия членов, данные о правлении и учредителях, порядке ведения отчетности, размере членских взносов и порядке их уплаты и т.д. (ст. 21).

Временные правила регламентировали действия не только организаций неополитического плана (благотворительных, просветительских, научных и пр.), но и политических партий. Политические партии являлись разновидностью общественных организаций и подпадали под действие общего законодательства. Временные правила воспрещали лишь одну разновидность политических партий, а именно управляемых учреждениями или лицами, находящимися за границей. Подобный охранительный подход к политическим организациям с заграничными правлениями объяснялся сложностью контроля над ними, а зачастую и недостатком сведений о них у органов власти, утверждавших уставы обществ в Российской империи.

---

¹² Именной высочайший указ Правительствующему Сенату 4 марта 1906 г. «О Временных правилах об обществах и союзах» // Полное собрание законов (далее — ПСЗ). Собр. 3. Т. 26. № 27479.

Регламентация внутренней жизни общественных организаций в уставах

Контакты частных обществ с государственной властью, выразившиеся в разрешении их действий, контроле отчетности и пр., фиксировались в уставах четко и недвусмысленно. Утверждавшие учредительные документы обществ чиновники обращали на это особое внимание. Между тем в вопросах так называемой внутренней жизни обществ была возможна определенная степень самостоятельности.

В официальных документах, принимаемых правительственной властью, а также в разъяснениях чиновников отмечалось, что составителям уставов следовало грамотно определить цели, которые ставили общества, избегая сочетания разнородных целей и задач, а также расширительного их толкования¹³.

Анализируя формулировки целей организаций различных групп, определенные в нормальных и примерных уставах, нельзя не отметить конструктивный их характер. Как следовало из нормального устава пожарных обществ, они занимались тушением пожаров и оказывали «всякое противодействие пожарным бедствиям» в пределах того или иного населенного пункта (села, города, уезда либо губернии). Благоую цель содействия «развитию и усовершенствованию сельского хозяйства» ставили перед собой сельскохозяйственные общества¹⁴.

Общепользная цель помощи ближнему объединяла активистов филантропических ассоциаций. Общества пособия бедным, согласно примерному уставу 10 июня 1897 г., занимались «доставлением средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных (такого-то города или такой-то местности), без различия пола, возраста, званий, состояний и вероисповеданий»¹⁵. В пореформенной России возникли и достаточно интенсивно развивались так называемые общества патроната, или покровительства лицам, освобожденным из мест заключения. Их становление было связано с происходившей во второй половине XIX — начале XX вв. гуманизацией политики наказаний, делавшей акцент на воспитании правонарушителя. Общества патроната содействовали освобожденным из мест заключения в устройстве быта и помогали их семьям.

Любовь к ближнему была одной из главных заповедей этического кодекса членов масонских лож. Согласно «Истолкованию Устава, или правил» «вольных каменщиков» им предписывалось возлюбить ближнего своего как самого себя (Smit, 2006:91).

¹³ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 4.

¹⁴ Ильинский К. Частные общества. Сборник законов, распоряжений правительства и решений Правительствующего Сената, с приложением нормальных и образцовых уставов и справочных сведений о собраниях, съездах, лекциях, курсах, лотереях, выставках, библиотеках и т.п. Рига: главный склад издания у А. Вальтер, Я. Рапа и Ко, 1913. С. 159–160, 458.

¹⁵ Ежегодник внешкольного образования. Вып. 1. М.: Издание И.Д. Сытина. М., 1907. С. 152.

Имелась своя специфика у обществ организации досуга и спорта. Они были нацелены на определенную категорию лиц, как правило, являвшуюся их членами. Так, в утвержденном министром внутренних дел А.Е. Тимашевым в 1874 г. нормальном уставе общественных собраний говорилось, что их целью было «доставить своим членам и их семействам возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой». Свою задачу в ходе составления нормального устава Министерство внутренних дел видело в том, чтобы «ограничиться... такими положениями и правилами, которые могут быть применены повсеместно и которые вызываются... требованиями правительственного надзора за проявлениями общественной жизни», а также «...теми общими для всех собраний условиями, которые выработаны из долговременной практики этих ... учреждений» (Charnoluskii, 1913:302–303). Таким образом, в ходе составления типовых уставов для частных обществ предпринималась попытка соединить государственный интерес с общественными традициями.

Формулировки задач частных обществ конкретизировали их общепользные цели и характеризовали способы их достижения. К примеру, общества пособия бедным оказывали следующие виды помощи: снабжали неимущих одеждой, пищей и приютом, выдавали им денежные пособия, содействовали их трудоустройству, оказывали медицинскую помощь, определяли престарелых и немощных в богадельни, дома призрения и т.п., а малолетних — в сиротские дома, приюты, убежища¹⁶.

Опыт полезной деятельности, как в качестве клубов, где люди могли общаться и заводить дружеские связи, так и в роли институтов социального обеспечения, предоставлявших пособия по болезни, старости, а также в случае смерти и датировавших членов семей умерших членов, приобрели общества взаимопомощи. Так было в Великобритании — на исторической родине обществ взаимопомощи (Grin, 2009:202), и Российская империя реципировала эту традицию.

Таким образом, как можно судить на основании уставных документов общественных организаций дореволюционной России, мотив общественной пользы и усовершенствования той или иной области жизни присутствовал в формулировках целей, а также задач буквально всех организаций, начиная с благотворительных и заканчивая сельскохозяйственными и досуговыми.

Характер деятельности общественных организаций в значительной степени определялся их членским составом и в особенности составом учредителей и правлений. Сведения о членском составе организаций в обязательном порядке приводились в их уставах. В них указывались фамилии, звания и места жительства учредителей, категории членов, порядок их вступления и выбытия и др.

---

¹⁶ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 17–18.

Причем в определении категорий членов, а также их функционала общества обладали определенной самостоятельностью.

Члены общественных организаций подразделялись, как правило, на три основные категории: действительные члены, почетные члены, члены-соревнователи (или сотрудники). Действительные члены организаций — это те, кто вели в них основную работу. Они непосредственно участвовали в их деятельности («безвозмездно, своим трудом, содействовали целям общества», как гласили уставы), обладали правом голоса в заседаниях, вносили членские взносы. Общества пособия бедным, вспомоществования нуждающимся учащимся и др. четко прописывали в своих уставах, что для действительных членов членский взнос должен был достигать не менее 3 руб. в год либо 60–80 руб. единовременно¹⁷. Такой вступительный взнос был типичным для обществ дореволюционной России.

Условия вступления в эту категорию были различными. В научных обществах принималось во внимание наличие надлежащей научной квалификации и специального образования. Так, действительными членами физико-медицинских обществ могли стать только врачи, а также лица с высшим образованием, занимавшиеся естественными науками. Действительные члены педагогических организаций избирались из числа лиц, принадлежащих к педагогическому или воспитательному персоналу учебных заведений. Членами профессиональных обществ (организаций взаимной помощи врачей, приказчиков, ремесленников, служащих различных категорий и др.) становились только представители этих профессий.

В тех обществах, где профессиональных и квалификационных требований не предъявлялось, основаниями для вступления в число действительных членов являлись, во-первых, готовность содействовать целям общества личным трудом и, во-вторых, вносить членские взносы. Их размер составлял в общественных организациях в среднем 3 руб. в год, но он мог варьироваться в зависимости от материального положения членов. К примеру, в «состоятельных» некоммерческих обществах членские взносы достигали на рубеже веков нескольких десятков рублей (в обществах правильной охоты — 50 руб., в общественных собраниях — 20 руб., в обществах взаимного вспоможения приказчиков и обществах взаимопомощи служащих сельского хозяйства — 10 руб.). Попечительные общества о доме трудолюбия, находившиеся под патронажем императорских особ, обязывали своих действительных членов вносить в кассу не менее 5 рублей единовременно либо 100 рублей ежегодно¹⁸. Члены, не вносившие членских взносов в течение указанного в уставе времени (как правило,

---

¹⁷ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 19, 34.

¹⁸ Примерный устав попечительного общества о доме трудолюбия в г. NN // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 52.

двух лет), считались выбывшими из общества, хотя и могли, уплатив требуемую сумму, восстановиться.

Сельскохозяйственные общества оставляли вопрос о размере членских взносов открытым, как для действительных членов, так и для членов-корреспондентов и сотрудников. Они не предreshали размера взносов в нормальном уставе¹⁹, доверяя определение его самим обществам, экономическое положение которых зависело от уровня благосостояния того или иного региона.

Почетными членами частных обществ избирались лица, известные своими заслугами в сфере их деятельности. Они могли быть специалистами в данной области и заявить о себе серьезными научными трудами либо содействовать созданию обществ и их развитию. В случае благотворительных обществ под «особыми услугами» имелись в виду денежные пожертвования. В память о них почетные члены освобождались от членских взносов и наделялись правом решающего голоса на общих собраниях. В обществах профессиональной взаимопомощи в категорию почетных членов записывали также лиц, сделавших в пользу ассоциаций значительные пожертвования либо приобретших для них недвижимость (дом, усадьбу и пр.)²⁰.

Члены-сотрудники (соревнователи) вносили членские взносы или пожертвования, как правило, в объеме, меньшем, чем действительные члены организации. В эту категорию могли входить также лица, помогавшие действительным членам. Должностей в обществах члены-сотрудники не занимали, обладая лишь совещательным голосом. В благотворительных обществах им поручалось обследование положения нуждающихся и иные виды работ²¹.

Привилегированной категорией членов организаций были члены-учредители и пожизненные члены — лица, стоявшие у истоков некоммерческих организаций либо оказавшие им услуги «выдающимися пожертвованиями», внесшие крупный вступительный взнос. Сельскохозяйственные общества прямо устанавливали, что их учредителями выступали лица, подписавшие проекты уставов²².

Существовали так называемые факультативные категории членов, которые присутствовали не во всех организациях. В научных обществах имелись члены-корреспонденты. Ими являлись начинающие исследователи либо лица, адресовавшие обществам свои научные труды.

¹⁹ Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 152–153.

²⁰ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 34.

²¹ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 19, 34.

²² Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 152.

В научных обществах и в близко стоявших к ним обществах сельского хозяйства члены-корреспонденты и сотрудники избирались тем же порядком, что и действительные члены. Сюда рекрутировались лица, не проживавшие в районе действий обществ, однако способные оказать им «просвещенное содействие ... по разъяснению тех или иных вопросов». В общества сельского хозяйства избирались сельские хозяева, известные своей полезной деятельностью и способные доставлять полезные сведения²³.

В городских пожарных обществах выделялась такая специфическая категория членов, как члены-охотники. Это были мужчины, участвовавшие в тушении пожаров. Члены-жертвователи пожарных обществ в тушении пожаров не участвовали, однако вносили взносы в кассу обществ. В эту категорию вступали не только мужчины, но и женщины, а также различные общества и учреждения. В музыкальных обществах выделялись члены-исполнители и члены-слушатели²⁴.

В годы Первой мировой войны в уставах общественных организаций появляется пункт об ограничении членства для подданных воюющих с Россией держав. Исключение из обществ подданных Германии и Австро-Венгрии явилось следствием кампании против «немецкого засилья». Идеолог данной кампании — государство (в лице военного командования и министров) осуществило серию притеснительных мер по отношению к подданным враждебных России стран; члены добровольных обществ активно в ней участвовали. Так, в октябре 1914 г. по инициативе общественников австро-германские подданные были исключены из Московского литературно-художественного кружка — крупнейшего объединения столичной творческой интеллигенции (Tumanova, 2014:33–35).

Особо следует остановиться на процедуре вступления в действительные члены общественной организации. В частных обществах XIX столетия она была более формализованной, чем у организаций, создававшихся в начале XX в. Для вступления в них требовалось наличие у кандидата положительной рекомендации от одного или нескольких старых членов. Она предоставлялась правлению организации и свидетельствовала о его нравственном облике, благонадежности, наличии у него требуемого уставом имущественного ценза. Вопрос о принятии нового члена рассматривался правлением и общим собранием организации, он решался открытым или закрытым голосованием.

В уставах общественных организаций, открытых во второй половине XIX в., говорилось о выборе членов закрытой баллотировкой. Такое положение присутствовало в уставах обществ, занимавшихся организацией народных чте-

---

²³ Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 153.

²⁴ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 94–95, 150–151.

ний и культурных развлечений. Так, в нормальном уставе общественных собраний, утвержденном в 1874 г., процедура баллотирования была описана подробно. Вот как происходило баллотирование в члены организации. Желающие вступить в члены собрания вносились в особую книгу, где указывались имя, отчество, фамилия, чин и звание (профессия) каждого кандидата. Список предложенных кандидатов выставлялся для всеобщего ознакомления за неделю до выборов. Баллотирование производилось в заранее определенные день и час²⁵.

В помещении общественной организации выставлялись ящики по числу кандидатов. На каждом из них приводились сведения о кандидате, а также имена и фамилии членов организации, предлагающих его избрать. Все ящики осматривались и запирались ключом. Каждый член, принимавший участие в процедуре выборов, записывался в особую книгу, получал по одному шару для каждого ящика и опускал их в ящик в присутствии члена правления. Правая сторона ящика с надписью «Да» считалась избирательной, левая — с надписью «Нет» — соответственно неизбирательной. Когда баллотировка прекращалась, ящики вскрывались, проверялись (главным образом учитывалось, чтобы в них не оказалось шаров больше числа членов, участвовавших в баллотировке, или менее числа, нужного для баллотирования кандидата, тогда баллотировка этого кандидата откладывалась до другого дня). Чтобы быть принятым в члены общественной организации, кандидат должен был иметь на правой стороне ящика не менее определенного числа шаров, находящихся в правой и левой стороне вместе взятых. У различных обществ подобный кворум мог различаться. Для ряда ассоциаций баллотировавшийся член должен был получить не менее 2/3 всего числа шаров. Согласно нормальному уставу общественных собраний для избрания в них требовалось получить простое большинство избирательных шаров от числа голосовавших.

Положение о закрытой баллотировке существовало также в уставах сельскохозяйственных обществ. Однако в нормальном уставе, утвержденном в 1898 г. министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым, она не получила такой детализации, как в уставных документах российских клубов более раннего периода. Указывалось лишь, что для вступления в члены местных сельскохозяйственных обществ следовало пройти закрытую баллотировку; она осуществлялась простым большинством голосов, по предложению совета общества²⁶.

К началу XX в. процедура выборов заметно упростилась, и положение о закрытой баллотировке заменялось открытыми выборами большинством голосов членов, либо даже простым письменным заявлением в правление органи-

²⁵ Нормальный устав общественных собраний // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 136–137.

²⁶ Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 152.

зации (хотя почетные члены могли по-прежнему избираться общим собранием закрытой баллотировкой).

Между тем выборы закрытой баллотировкой или записками сохранялись для членов ряда общественных организаций и на рубеже веков. Так, в обществах велосипедистов действовала процедура баллотирования кандидатов опусканием шаров в специально для этого предназначенные ящики с указанием фамилий избираемых. Причем кандидаты в день их баллотирования входа в помещение в качестве гостей не получали, чтобы обеспечить прозрачность выборов. Лица, которые не получили необходимого числа голосов, могли вновь предлагаться к избранию, однако происходило это в сроки, установленные общим собранием²⁷.

Во внутренней жизни отдельных организаций действовал своего рода «нравственный кодекс члена». Так, член общества, не исполнивший взятых на себя обязанностей или ронявший своим поведением присвоенное ему звание члена общества, мог быть исключен из него по постановлению общего собрания²⁸. Такое положение дел существовало в пожарных обществах, досуговых организациях и др.

Правление (совет) общественной организации — это «лицо» общества, которое дает представление о критериях отбора в него и характере его деятельности. Правление состояло из председателя (президента), товарища (или заместителя) председателя, секретаря, казначея, делопроизводителя и других должностных лиц. В спортивных обществах в правления входили также врачи. В пожарных обществах членами правлений выступали начальники местных пожарных команд. Правление избиралось из числа действительных членов организаций сроком на 1–3 года.

Как позволяют судить примерные уставы добровольных обществ, в благотворительных обществах (пособия бедным, попечительствах о домах трудолюбия и др.) правление насчитывало от шести до двенадцати членов²⁹. Многие общества самостоятельно определяли число членов правлений. В уставных документах ассоциаций указывалось, что члены правлений служат общему делу на общественных началах, т.е. безвозмездно. В клубах и во многих досуговых обществах вместо правлений функционировал совет старшин, имевший сходные функции. Для правомочности заседания правления требовалось присутствие в нем не менее ½ его членов, не считая председательствующего³⁰.

---

²⁷ Примерный устав общества велосипедистов // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 247.

²⁸ Нормальный устав городских пожарных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 96.

²⁹ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 22, 54.

³⁰ Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 23, 38, 101.

В добровольных обществах дореволюционной России царил дух демократии и самостоятельности. Уставы многих обществ постулировали, что их членами могли быть лица обоого пола без различий сословий и вероисповеданий. Председатели правлений обществ не были их начальниками, они являлись, что называется, «первыми среди равных». Так, рядовые члены обществ были правомочны в устной или письменной форме инициировать улучшения или полезные нововведения в организациях. В случае, если правление отклоняло поступившее предложение такого рода, то заявившему его члену предоставлялось право требовать внесения его в ближайшее общее собрание. Требование это следовало заявить не позднее месяца после объявления об отклонении предложения. Подобного рода положение дел существовало в обществах вспомоществования нуждающимся учащимся³¹ и в иных организациях. Сельскохозяйственные общества позволяли почетным и действительным членам присутствовать в заседаниях советов без права голоса³².

Чтобы исключить единовременное выбытие членов правления, из состава правлений частных обществ ежегодно выходила третья часть членов. Принцип выбытия членов был различным в различных ассоциациях. В обществах пособия бедным, к примеру, первые два года члены выбывали, как правило, по жребию, а затем уже по старшинству избрания.

Ограниченный объем статьи не позволил охарактеризовать все многообразные корпоративные нормы. В частности, не были проанализированы источники формирования денежных средств, а также порядок реорганизации и ликвидации обществ. Между тем важнейшие из них, такие как права и обязанности членов организаций, порядок и условия приобретения и утраты членства в них, компетенция и порядок формирования руководящих органов организаций, получили рассмотрение.

Заключение

Анализируя правовые документы, определявшие принципы функционирования общественных организаций дореволюционной России, нами было установлено, что впервые жизненный цикл обществ и механизмы управления ими были обобщены и определены государством в главе XIX проекта Гражданского уложения — «Ученые, благотворительные и иные общепользные общества», составленном в конце XIX столетия. Были установлены формуляр устава общества, полномочия различных категорий членов и правления (совета), права

³¹ Нормальный устав обществ вспомоществования нуждающимся учащимся // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 40.

³² Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ // Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 156.

общества, являвшегося юридическим лицом, основания ликвидации обществ и назначения его имущества. Гражданское уложение, как известно, действующим правовым актом не стало, однако осуществленные в нем наработки вошли в текст Временных правил об обществах и союзах 1906 г. До рубежа XIX–XX столетий — времени подготовки Уложения и Временных правил, правительство проводило патерналистскую политику по отношению к частным обществам и было озабочено преимущественно механизмами контроля над ними.

В результате обобщения уставных документов различных групп и категорий организаций в 1890-х гг. были составлены нормальные и типовые их уставы. В них были определены цели и задачи обществ различных групп, способы ротации членов, установлены требования к членскому составу и к руководящему составу, к формированию капиталов.

Уставы обеспечивали значительную самостоятельность в устройстве ассоциациями своих внутренних дел и предоставляли им существенно меньшую свободу в вопросах, касавшихся деятельности внешней, определявшей принципы отношений обществ с государством. Между тем сфера внутренней автономии, определенная уставами обществ, была существенной. Она была одной из немногих возможностей для общественных деятелей артикулировать собственную «повестку дня» в условиях авторитарного строя.

Осуществленный сравнительный анализ комплекса нормальных и примерных уставов добровольных обществ дореволюционной России рубежа XIX–XX вв., а именно формулировок в них целей ассоциаций и способов их достижения, показал, что общества позиционировали себя как объединения, преследовавшие исключительно конструктивные задачи в своих областях, защищавшие интересы как определенных групп населения, так и местного общества в целом.

Руководствуясь изучением формальных требований, предъявляемых к лицам, занимающим должности действительных и почетных членов организаций, членов-сотрудников и др., целесообразно говорить о существовавших в них многообразных подходах к членству, отражавших специфику их целей и задач, особенности работы. В этом аспекте функционирования общественных организаций также проявлялась их самостоятельность. Сделан вывод об упрощении процедуры вступления в добровольные ассоциации на рубеже XIX–XX вв., вытеснении закрытой баллотировки открытыми выборами. Все это свидетельствует о демократизации публичной сферы дореволюционной России, вытеснении цензов высокого социального статуса и принадлежности к элитарному обществу профессионализмом кандидатов. О неформальных и небюрократических процедурах организации внутренней жизни и управления обществами говорит также то обстоятельство, что члены правлений работали в них на общественных началах.

Таким образом, учредительные документы добровольных обществ конца XIX — начала XX вв. предоставляли их членам возможности для самоуправления и самодеятельности. Они способствовали выработке членами ассоциаций

практик демократического принятия решений по вопросам, связанным с различными сторонами жизненного цикла организаций.

Модернизовавшиеся на рубеже веков уставы добровольных обществ способствовали формированию феномена добровольной ассоциации в значении, описанном немецким обществоведом Юргеном Хабермасом, как «центра кристаллизации автономной публичности», дающей гражданам возможность управлять самостоятельно и формировать общественное мнение, в противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале (Habermas, 2016:41–42). Уставные документы добровольных обществ и выработывавшиеся на их основании практики функционирования позволяли общественникам приобретать навыки непосредственной демократии в значении, отмеченном американским политологом Марком М. Ховардом (Hovard, 2009:61). В конечном итоге уставы добровольных организаций задавали институциональные условия для модернизации российского общества из сословного в гражданское.

Библиографический список / References

- Arsen'ev, K. (1914) Proekt Grazhdanskogo ulozheniya [Civil Code Project]. *Herald of Europe*, (6), 416–418. (in Russian).
Арсеньев К. Проект Гражданского уложения // Вестник Европы. 1914. № 6. С. 416–418.
- Arhipov, S.I. (1987) Ponyatie i yuridicheskaya priroda lokal'nyh norm [The concept and legal nature of local norms]. *University news: Jurisprudence*, (1), 27–39. (in Russian).
Архипов С.И. Понятие и юридическая природа локальных норм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1987. № 1. С. 37–39.
- Bradley, J. (2009) *Voluntary Associations in Tsarist Russia. Science, Patriotism and Civil Society*. Cambridge, London: Harvard University Press.
- Grin, D. (2009) *Vozvrashchenie v grazhdanskoe obshchestvo. Social'noe obespechenie bez uchastiya gosudarstva* [Reinventing Civil Society. The Rediscovery of Welfare Without Politics]. Translated by Korobochkin M. Moscow: New literary review Publ. (in Russian).
Грин Д. Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 217 с.
- Elina, O.Yu. (2011) Sel'skohozyajstvennyye obshchestva Rossii. 1765–1920-e gody: vklad v razvitiye agronomii [Agricultural Societies in Russia. 1765–1920: contribution to the development of agronomy]. *Russian History*. (2), 27–45. (in Russian)
Елина О.Ю. Сельскохозяйственные общества России. 1765–1920-е годы: вклад в развитие агрономии // Российская история. 2011. № 2. С. 27–45.
- Jacob, M.C. (1994) The Mental Landscape of the Public Sphere: A European Perspective. *Eighteenth century Studies*, 28 (1), 95–113.
- Pl'inskij, K. (1913) *Chastnye obshchestva. Sbornik zakonov, rasporyazhenij pravitel'stva i reshenij Pravitel'stvyushchego Senata, s prilozheniem normal'nyh i obrazcovykh ustavov i spravochnyh svedenij o sobraniyah, s"ezdah, lekciyah, kursah, lotereyah, vystavkah, bibliotekah i t.p.* [Private societies. Collection of laws, orders of the government and decisions of the Governing Senate, with the application of normal and exemplary charters and background information on meetings, congresses, lectures, courses, lotteries, exhibitions, libraries, etc.]. Riga: the main warehouse of the publication is A. Walter, J. Rap and Co. Publ. (in Russian).

Ильинский, К. Частные общества. Сборник законов, распоряжений правительства и решений Правительствующего Сената, с приложением нормальных и образцовых уставов и справочных сведений о собраниях, съездах, лекциях, курсах, лотереях, выставках, библиотеках и т.п. Рига: главный склад издания у А. Вальтер, Я. Рапа и Ко, 1913. 652 с.

Kashanina, T.V. (2012) *Struktura prava [Law structure]*. Moscow: Prospekt Publ. (in Russian).

Кашанина Т.В. Структура права. М.: Проспект, 2012. 580 с.

Medushevskij, A.N. (2014) *Rossijskaya pravovaya tradiciya — opora ili pregrada? [Is Russian legal tradition a pillar or an obstacle?]*. Report and discussion. Moscow: HSE Publishing House. (in Russian).

Медушевский А.Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? Доклад и обсуждение. М.: Изд. дом НИУ-ВШЭ, 2014. 134 с.

Charnoluskii, V.I. (ed.) (1913) *Nastol'naya kniga po vneshkol'nomu obrazovaniju [Handbook for non-formal education]*. Saint Petersburg: Partnership Edition «Znanie» Publ. (in Russian).

Настольная книга по внешкольному образованию. СПб.: Издание Товарищества «Знание» / под ред. В.И. Чарнолуцкого, 1913. 501 с.

Nemytina, M.V. (2011) *Novoe v ob'yasnenii pravovyh processov i yavlenij [New in explaining legal processes and phenomena]*. Grafskij, V.G. (ed.). *Standarty nauchnosti i homo juridicus v svete filosofii prava: materialy pyatyi i shestyh filosofsko-pravovyh chtenij pamyati akad. V.S. Nersesyanca [Standards of science and homo juridicus in the light of the philosophy of law: materials of the fifth and sixth philosophical legal readings in memory of acad. V.S. Nersesyanca]*. Moscow: Norma Publ. 120–126. (in Russian).

Немытина М.В. Новое в объяснении правовых процессов и явлений // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философ.-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М.: Норма, 2011. С. 120–126.

Raab, N. (2007) *Formirovanie grazhdanskoj identichnosti v obshchestvennyh organizacijah Rossii (na primere Vol'no-pozharnyh obshchestv). 1880–1905 gg. [Formation of civic identity in voluntary associations of Russia (on the example of free fire societies)]. Grazhdanskaya identichnost' i sfera grazhdanskoj deyatel'nosti v Rossijskoj imperii. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka [Civic identity and the scope of civic activities in the Russian Empire. The second half of XIX — early XX century]*. Pietrov-Ennker B., Ul'yanova G.N. (eds.). Moscow: ROSSPEN Publ. 263–295. (in Russian).

Рааб Н. Формирование гражданской идентичности в общественных организациях России (на примере Вольно-пожарных обществ). 1880–1905 гг. // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М.: РОССПЭН, 2007. С. 263–295.

Smit, D. (2006) *Rabota nad dikim kamnem: Maponskij orden i russkoe obshchestvo v XVIII veke [Working the rough stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia]*. Moscow: New literary review Publ. (in Russian).

Смит Д. Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 222 с.

Stepanskij, A.D. (1979) *Istoriya obshchestvennyh organizacij dorevolucionnoj Rossii [The history of voluntary associations of pre-revolutionary Russia]*. Tutorial. Moscow: MGIAI Publ. (in Russian).

Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. Учебное пособие. М.: МГИАИ, 1979. 80 с.

- Tumanova, A.S. (2004) *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti obshchestvennykh organizatsij Rossii v nachale XX veka: Istoriko-yuridicheskoe issledovanie [State and legal regulation of public organizations in Russia at the beginning of the XX-th century: historical and legal research]. Dis. ... dokt. jurid. nauk [Dis. ... doctor. legal of sciences].* Moscow. (in Russian).
Туманова А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века: Историко-юридическое исследование. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. 400 с.
- Tumanova, A.S. (2014) *Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 — fevral' 1917 g.) [Voluntary associations in Russia during the First World War (1914 — February 1917)].* Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russian).
Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. 327 с.
- Habermas, Yu. (2016) *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: Issledovaniya odnositel'no kategorii burzhuznogo obshchestva [Structural Change in the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society].* Moscow: Ves' mir Publ. (in Russian).
Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 342 с.
- Hovard, M.M. (2009) *Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoy Evrope [The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe].* Translated by Kokarev I.V. Moscow: Aspekt Press Publ. (in Russian).
Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009. 189 с.

Об авторах:

Туманова Анастасия Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор, Департамент общих и межотраслевых юридических дисциплин, академический руководитель образовательной программы «История, теория и философия права», факультет права, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORCID ID: 0000-0003-3469-7144

e-mail: anastasiya13@mail.ru

Сафонов Александр Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор, Департамент общих и межотраслевых юридических дисциплин, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORCID ID: 0000-0003-3577-5490

e-mail: asafon1970@mail.ru

Для цитирования:

Туманова А.С., Сафонов А.А. Устав общественной организации в дореволюционной России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки.* 2020. Т. 24. № 1. С. 113–136. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-113-136.

Дата поступления в редакцию: 04 апреля 2019 г.

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019 г.

CHARTERS OF VOLUNTARY ASSOCIATIONS IN PREREVOLUTIONARY RUSSIA

Anastasiya S. Tumanova, Alexander A. Safonov

National Research University «Higher School of Economics»
452, 3 B. Tryokhsvyatitskiy Pereulok, 109028, Moscow, Russia

The article deals with the history of doctrinal formation of the content of the charter of voluntary association of Late Imperial Russia, as well as the role of the charter in regulating the phenomenon of social self-organization. This problem is practically don't studied in the scientific literature. It is based on the involvement of a broad corpus of published sources (constituent documents of public organizations, materials of clerical work of public institutions, etc.) and archives (documents of the RGIA). The legal policy of the Russian government aimed at establishing uniformity in the content of constituent documents of voluntary societies and the principles of their relationship with the state according to the creation, re-registration, termination of societies is analyzed. This national framework is assessed from the standpoint of the content of corporate regulation in Late Imperial Russia, the degree of intervention of the state in this process.

Russian and European sources for the formation of corporate legislation on voluntary associations are considered. The analysis of constituent documents of various groups of organizations in pre-revolutionary Russia takes a significant place. They are studied according to the content, structure, general and special features, field of activity. The authors investigate how independent creativity of the founders was expressed when drawing up the charters of organizations that do not fully comply with typical constituent documents, find out its meaning and boundaries.

The authors come to the conclusion that the charters gave Russian associations substantial autonomy in the inner life (defining goals and objectives, methods of capital formation, requirements for categories of members, etc.), but rather strictly prescribed the “external” context of their functioning, coupled with the interaction with state authorities.

Key words: history of Russian law, voluntary association, charter, corporate norms, corporate legislation of the Russian Empire

Funding information: This article was prepared with the support of the Fundamental Research Fund of the National Research University Higher School of Economics within the framework of the Fundamental Research Program, the project “Transformation of the third sector into the digital age” in 2020.

About authors:

Anastasiya S. Tumanova — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor, Department of General and Intersectoral Legal Disciplines, Academic Director of the Educational Program «History, Theory and Philosophy of Law», Faculty of Law, Center for Studies of Civil Society and Non-Profit Sector, Leading Researcher, National Research University «Higher School of Economics»

ORCID ID: 0000-0003-3469-7144

e-mail: anastasiya13@mail.ru

Alexander A. Safonov — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor, Department of General and Intersectoral Legal Disciplines, Faculty of Law, National Research University «Higher School of Economics»

ORCID ID: 0000-0003-3577-5490

e-mail: asafon1970@mail.ru

For citation:

Tumanova, A.S., Safonov, A.A. (2020) Charters of voluntary associations in prerevolutionary Russia. *RUDN Journal of Law.* 24 (1), pp. 113–136. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-1-113-136.

Article received April 04, 2019

Article accepted December 25, 2019